

Материалы VII Конвента РАМИ

Секция № 17

Украинистика

Мироненко Виктор Иванович, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН

Исторический и политический контексты влияния России в Украине в новейшее время (1989-2004 гг.)

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые главные характеристики исторического и политического контекстов новых российско-украинских отношений и российского политического влияния в Украине. Статья подготовлена на основе многолетнего изучения того, что происходило с российским политическим влиянием в Украине между 1989 и 2004 гг., то есть, его истории в новейшее время. Иначе говоря, оно посвящено поиску ответа на вопросы о том боролась ли Россия за политическое влияние в Украине, как она это делала, насколько сильным было это влияние, на что направленным и каковы были его объективные результаты.

Рассматриваемые вопросы, являются частью большой научной проблемы – необходимости нового прочтения российско-украинских отношений на всей их исторической протяженности. Интерес к их новейшей истории, помимо прочего, вызван нашим предположением, что эти отношения предопределили, какая из нескольких, объективно присутствовавших на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого века исторических альтернатив для СССР и Восточной Европы возобладала и реализовалась. А также уверенностью в том, что эти отношения будут оказывать сильное, а, может быть, и решающее влияние на темпы модернизации в Российской Федерации и в Украине.

Эта гипотеза основывалась на том, что Советский Союз мог бы существовать, уменьшившись и видоизменившись, без одной или даже нескольких союзных республик. Без Украины, как, разумеется, и без России, он существовать не мог. Их выход из Союзного договора 1922 г. не оставил ему ни единого шанса. Причины этого пока что не до конца прояснены: какова была роль каждой из стран, было ли их полное государственное разделение объективно необходимо и что оно принесло обеим странам. Как не до конца ясно и то, насколько устойчивой будет стихийно сложившаяся новая политическая конфигурация Восточной Европы.

Нет пока что ответа и на вопрос о том, понимает ли российский политический класс и государственная администрация России значение сохранения влияния в Украине. Прямо такая задача не ставилась. И до, и после исторического рубежа – декабря 1991 г. – Украина рассматривалась им как часть России, в лучшем случае, как доминион –

формально независимое государство, следующее в фарватере российской политики. Судя по всему, политическое влияние России в Украине представлялось многим представителям российской элиты величиной постоянной и неизменной, определяемой силой исторической инерции и большей политической массой России.

За формальным признанием ею украинского государства скрывалось, как оказалось, глубоко укоренившееся представление о нем, как о, своего рода, политическом «симулякре». То, что Украина снова и снова требовала от России и мирового сообщества подтверждений своего государственного суверенитета и своей безопасности, было не только фобией и манией украинских политиков, но и объективным отражением особенностей российской политики влияния. Так, например, подписывая в 1996 году договор с ПАСЕ, российское государство обещало отказаться от отношения к Украине, как к зоне своего исключительного влияния. Но не сделало этого, что косвенно признало, снова включив в 2011 г это положение в условия своего выхода из под мониторинга ПАСЕ ¹.

Россия объективно нуждается во влиянии на Украину. Это, на наш взгляд, бесспорно. Нам кажется, что и Украина нуждается в известном российском влиянии и помощи. Но, как считают украинские ученые, сама «российская социально-экономическая модель ограничивает ее возможности выступать в роли полюса притяжения для ее соседей». Сила российского влияния «ассоциируется преимущественно с дискурсом, обращенным к общему прошлому...»².

С этим можно соглашаться или нет, но вряд ли можно выстроить эффективную политику влияния только на обращении к прошлому, от которого сами Россия, и Украина дважды за прошедшее столетие отказывались. Причинами ослабления российского политического влияния в Украине в эти годы с российской стороны являлись: недооценка решимости украинцев обрести политическую самостоятельность; переоценка степени экономической зависимости Украины от России; нежелание видеть в Украине равного партнера; подмена политики влияния принуждением. Давлением массой в современных условиях не могло дать и не дало результата, на который рассчитывали.

Российско-украинские отношения в той или иной мере присутствуют во всех измерениях экономического сотрудничества и безопасности в Европе. Однако, лишь несколько раз за последние два десятилетия российско-украинские отношения оказывались в центре международного внимания.

Впервые – в 1991 году в связи с возможностью распада СССР. Большая политическая неопределенность, которую вполне можно было ожидать, настораживала и пугала. Даже те, кого невозможно было заподозрить в симпатиях к Советскому Союзу, полагали, что союзное государство следовало сохранить или, во всяком случае, с этим не следовало торопиться. Об этом, например, говорил Президента США Дж. Буш 1 августа 1991 г. в Верховном Совете УССР, речь которого удивленные таким поворотом событий журналисты окрестили «котлетой по-киевски». Куда более основательно и убедительно незадолго до всеукраинского референдума об этом писал и «гуру» американской советологии – З. Бжезинский ³.

Во второй раз это произошло в конце 1993 – начале 1994 гг. , когда решалась судьба ядерного оружия на территории Украины. И, наконец, уже за временными рамками нашего исследования, в 2006 и 2009 гг. в связи с так называемыми «газовыми войнами».

¹ Коммерсантъ. – 2011. – 27 января.

² A Ghost in the Mirror: Russian Soft Power in Ukraine by Alexander Bogomolov and Oleksandr Lytvynenko/ Chatham House Briefing Paper, London, The Royal Institute of International Affairs, January 2012, p. 2.

³ Правда Украины. – 1991. – 30 ноября.

Однажды, а именно во время президентских выборов 2004 г. и т.н. «оранжевой революции» Украина и сама привлекла к себе пристальное международное внимание.

Однако в целом в это время Украина и ее отношения с Россией находились далеко от фокуса мировой политики. Такое не слишком пристальное внимание к ним отчасти объективно отражало небольшой, в сравнении с СССР, «удельный вес» обоих новых государств в мировой экономике и политике.

Давала о себе знать и предубежденность по отношению к России в старой и новой Европе, которая неизменно присутствовала здесь, как минимум, с Северной войны. Связана она была в равной мере и с плохой осведомленностью о ней на Западе, и с хозяйственной и политической теснотой в Старом свете, истощенностью ресурсов экстенсивного роста. Об этом говорил Л. Лоутон во втором докладе об Украине в 1939 г. «Примерно с того же времени (объединения России и Украины в середине XVII в. – ВМ.) европейским народам – кроме тех, кто отважился на заморскую экспансию, – говорил он, – приходится ютиться на полуострове на краю гигантского континента, раскинувшегося от Северного моря до Тихого океана. Московия... занимает территорию около девяти миллионов квадратных миль, а все другие нации Европы теснятся на полутора миллионах квадратных миль (подчеркнуто нами – ВМ.)»⁴.

Довольно долго в новое и новейшее время Украина, несмотря на усилия нескольких поколений интеллектуалов из украинской эмиграции и просто лиц, симпатизировавших Украине, как, например, упоминавшегося уже Л. Лоутона⁵, Р.Сеттона Вотсона⁶ и некоторых других, оставалась для «старого света» «terra incognita» и стала сильно запоздалым и, по видимому, самым последним из его «великих географических открытий».

Европейский процесс после Беловежской Пути (1991 г.) и Маастрихта (1992 г.) пошел разнонаправленно: интеграция на Западе и дезинтеграция на Востоке. При сохранении существующего сегодня положения вещей он может стать движением без цели. Во всяком случае уже сейчас ясно, что перенесение Берлинской стены на пару тысяч километров на восток и расширение ее до «санитарного кордона», включающего ряд стран Центральной и Восточной Европы, и, тем более, такую страну как Украина, не решает ни одной европейской проблемы, а лишь увеличивает их число, откладывает их решение на неопределенное время, перекладывает на будущие поколения европейцев.

В этом контексте роль Украины – страны, занимающей территорию в 603 тысяч кв. км., с населением в 45 млн. человек велика и явно амбивалентна. В хрупких, не устоявшихся отношениях России и Европейского Союза Украина может стать и «пальмовой ветвью», и «яблоком раздора», может быть самым широким мостом и самой высокой стеной в Европе. Украина несколько раз в своей истории была предметом политического соперничества России и Запада.

Скорее всего по недомыслию она остается таковой и сегодня. Значит, нет гарантий от превращения ее территории в один из главных театров военных действий, как это уже было дважды – в годы Первой и Второй мировых войн. Наиболее внимательные и дальновидные западные эксперты это видят и хорошо понимают. Не случайно

---

⁴ Ukraina: Europe's Greatest Problem by Lancelot Lawton // East Europe and Contemporary Russia. – London, Spring 1939. – P. 28 – 60.

⁵ Ланселот Лоутон. Українське питання. Київ–Лондон: Національна академія наук України. Інститут історії України. Посольство Великої Британії в Україні. Фондація імені О.Ольжича / Упорядкування, наукова редакція і передмова С.Кот. – К., 2006. – 167 с.

⁶ См. об этом: Українська державність у XX столітті. Історико-політологічний аналіз. – К., 1996. – С. 140-142.

упоминавшийся уже З. Бжезинский в своей новой книге «Стратегическое предвидение» предложил не много ни мало перевести Совет Европы в Киев⁷.

Заявления украинских официальных лиц о «европейском выборе» Украины можно было бы только приветствовать, но они звучат не слишком убедительно. Прежде всего потому, что это явный трюизм. Украина, как и Россия, была, есть и всегда будут частью Европы и в географическом, и в экономическом, и в культурном отношении. «Быть в Европе» по видимому означает играть в ней какую-то политическую роль. Значимой самостоятельной политической роли в Европе Украина, в отличие от России, еще никогда не играла. Ныне, став самостоятельным европейским государством, она впервые может на это претендовать. Но обрести достаточный для этого политический вес она сможет только со временем и только в случае значительного ускорения своего экономического развития. А это будет трудно сделать без России, свободного доступа к ее ресурсам и рынкам.

Еще одним препятствием в объявленном «движении в Европу» для Украины являются качества ее элиты. Обретение полной политической субъектности *de facto* предполагает определенный довольно высокий уровень политической ответственности. Ни украинская, ни российская элиты этим качеством в полной мере пока что не обладают. А также то, что с каждым днем нарастает ощущение неопределенности, возвращающейся на континент после десятилетий относительной стабильности и процветания.

Российская и украинская элиты грешат упрощением сложных политических задач. Обеим еще со времени их общей борьбы с союзным центром их главная политическая задача представлялась весьма упрощенно. «Заблудшим овцам» следовало возвратиться в «европейскую семью». Она же была неизмеримо сложнее. Задачи такой сложности еще ни разу не вставали в их российской или украинской истории. Смысл реформ, начатых в середине 80-х и прерванных в начале 90-х гг., объективно был не только в том, чтобы перевести страну (страны) в какое-то новое качество. Это можно было сделать и в каждой стране отдельно. Но дело в том, что этого уже было недостаточно, чтобы предотвратить растущее отставание от других стран. Смысл и задача реформ была в том, чтобы общество, страна обрели наконец способность постоянно изменяться, адаптироваться к новым условиям без социальных взрывов, с сохранением приобретенного полезного содержания, опыта и человеческого потенциала. Это не было понято и обе страны пошли совершенно другим путем.

К тому же, Европы, из которой в начале прошлого века уходила Россия с большей частью Украины, и в которую они, как предполагалось, должны были возвратиться, уже не существовало. Распад Советского Союза, роспуск Варшавского Договора (1991), распад СФРЮ (1990), разделение Чехословакии (1993), с одной стороны, объединение Германии (1990) и Маастрихтский договор (1992 г.), с другой, не только изменили политическую карту Европы, но и создали в ней принципиально иную политическую ситуацию, в которой каждому из европейских государств, и новым европейским государствам в первую очередь, предстояло заново политически идентифицировать себя, то есть, продемонстрировать именно то качество, которым ни российское, ни украинское общество не обладали в достаточной степени и от приобретения которого отказались.

Некоторый исторический опыт у обеих стран был. В чем-то похожая политическая задача уже вставала перед ними в их истории, но решалась она всякий раз лишь частично и лишь благодаря внешнему толчку. В Украине такими «толчками» были восстание середины XVII в. и крушение Российской империи в 1917 г. В России – общий кризис второй половины XVII, Крымская война 1853-1856 гг. и две войны начала XX в. – японская и Первая мировая.

---

⁷ URL: <http://www.unian.net/ukr/news/news-485100.html> Последнее обращение – 10.02. 2012

То, как оба теперь уже полностью суверенные государства – Российская Федерация и Украина решать эту задачу на этот раз, конечно, их внутреннее дело, их общая проблема. Но у нее, как мы видели, есть и более широкое международное измерение. Даже признавая относительно малый сегодня удельный вес российской и украинской экономики в мировом хозяйстве, с такой неизвестной величиной трудно предложить какой-либо прогноз экономического развития, да и какую-либо надежную систему безопасности в Европе.

Говоря о России, следует отметить, что в ряду ее политических приоритетов новое объединение значительной части пост-советского пространства является одним из основных, если не самым важным, потому что здесь переплетаются многие внутренние и внешние политические императивы. В Украине в этом часто усматривают только историческую политическую инерцию, «имперские амбиции». Они у российского истеблишмента, несомненно, имеются. Но дело не только в этом, а и в объективных условиях. Две страны, которые после почти что вековой самоизоляции или, на чем, наверное, будут настаивать украинские коллеги, насильственной внешней изоляции, широко открыли, распахнули вовне свои рынки и экономики, будут вовлечены в глобальные экономические и политические процессы. Вопрос только в том, как скоро и на каких условиях. И скорее всего эти условия будут для них опоздавших очень не выгодными.

Для обеих было бы лучше, если бы был найден такой алгоритм сосуществования, при котором они проходили бы этот опасный поворот своей истории как минимум согласовано. Это диктуют объективные обстоятельства нынешнего этапа их экономического развития. Уж если Россия с ее сверх востребованными и пока что сверх дорогими природными ресурсами в «одионом плавании» по волнам мировой экономики не чувствует себя уверено, что говорить об Украине!

Могут возразить, что экономическая интеграция на пост-советском пространстве может начаться и без Украины. Был ведь без Украины был создан Таможенный Союз. Без нее же пока что формируется единое экономическое пространство трех стран - России, Беларуси и Казахстана. Недавно, во время предвыборной президентской кампании в России В. Путиным была актуализирована идея Н. Назарбаева о Евразийском Союзе⁸. Все это так, но обрести масштабы, на которые этот проект рассчитан, он без Украины не сможет. И это, как уже видно, будет самая трудная его часть.

Вся Украина (а не отдельные ее регионы) уже никогда не согласится на второстепенные роли, на роль ведомого в каком бы то ни было интеграционном проекте. Какие-то регионы, социальные слои и отдельные политические силы могли бы, но вся страна – нет. Она просто не может себе этого позволить в силу своих внутренних политических обстоятельств. Попытки же «прижать» страну с такой территорией и населением, научным и промышленным потенциалом, заставить ее послушно следовать в «фарватере» чьей-то внешней политики, дело, на наш взгляд, безнадежное. Не стоит и пробовать. Пока что это приводило только к тому, что межстрановая субсидиарность на постсоветском пространстве стала быстро превращаться в обособление, отгораживание и огораживание, международную изоляцию. Ну и, конечно, только в очень горячих головах может родиться мысль о дезинтеграции Украины и пересмотре существующих границ с ней.

Поскольку главной движущей силой новой интеграции является все таки Россия (почему это так – это тоже интересный и сложный вопрос о котором нужно говорить отдельно), участие или неучастие в этом проекте Украины зависит в первую очередь от характера, силы и направленности российского политического влияния.

---

⁸ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос. «Независимая газета», 23 января 2012.

Даже если в ближайшие годы интеграция с участием Украины не состоится, все равно, трансформация политических систем обеих странах, их экономическое развитие будут, как и ранее, как всегда, происходить при сильных взаимных влияниях. При этом очень важно хорошо понимать, что эти взаимные влияния могут быть разными по силе, но они всегда будут равными по значению. Сила действия и здесь всегда будет равна силе противодействия. В экономике, например, как считает В. Путин, «уровень кооперации между российскими и украинскими производителями очень часто такой, что друг без друга они просто встанут, не будут существовать»⁹. В политике всегда найдутся третьи силы, готовые поддержать антироссийский тренд в украинской политике.

Новые российско-украинские отношения очевидно формируются под влиянием двух противоположных тенденций: российское государство в стремилось сохранить свое влияние в Украине, а украинское – ослабить его, диверсифицировав свои международные связи. При этом, как представляется, украинские политики недооценили объективное российское влияние на Украину, а российские его переоценили. Они не придавали «украинскому вопросу» большого значения, рассчитывая на объективные факторы влияния, прежде всего экономические. Однако, экономическое притяжение России оказалось слабее, чем предполагалось.

Влияние России в Украине опиралось, как и прежде, на экономическую взаимозависимость и общую историческую память. Попытки в одностороннем порядке уйти от того и от другого породили несколько новых проблем. В Украине стал увеличиваться разрыв между западной и восточной ее частями. Российским же политикам никак не удавалось найти правильную тональность разговора с Украиной и по поводу Украины – с ЕС и США.

Таким в самых общих чертах является, на наш взгляд, исторический и внешнеполитический контексты и описание исследуемой нами проблемы политическом влияния России в Украине.

---

⁹ Независимая газета. – 2010. – 20 апреля.